

А. Ю. Андреев

Источники об отставке М. М. Сперанского в 1812 году: опыт систематического анализа*

Внезапная отставка М. М. Сперанского с поста государственного секретаря 17 марта 1812 г., за которой в ту же ночь последовало его удаление из Петербурга — ссылка в Нижний Новгород, а затем в Пермь, традиционно рассматривается как одна из главных загадок русской истории первой половины XIX века. Существование множества ее интерпретаций обычно связывается с двойственностью или даже «двуличием» политики императора Александра I, колебавшегося между курсом на углубление либеральных реформ и сохранением в России незыблемого самодержавия. Часто подчеркивается, что Сперанский был необходим императору до поры до времени, но тот копил на него личные обиды — или напротив, что Александр I вынужден был «пожертвовать» Сперанским ради патриотического единства русского общества перед Отечественной войной¹.

При этом источники по данной теме чрезвычайно разноречивы и дают почву для построения самых разных версий. Поэтому, чтобы перевести эту проблему в плоскость научного анализа, необходимо выработать определенный принцип отношения к источникам. Таким принципом может служить утверждение о том, что источники, близкие по времени создания к изучаемым событиям (письма и дневники их участников, записки и делопроизводственные документы, сопровождавшие рассматриваемый процесс), содержат больше информации и смыслов, генерированных самими событиями, тогда как позднейшие

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00162.

источники (мемуары или рассказы третьих лиц, записанные историками), кроме исходной информации, сохранившейся в субъективной памяти, впитывают в себя также и дополнительные интерпретации, которые время накладывало на эти события. Помимо этого, в мемуарах или рассказах возможны и сознательные искажения, допускаемые автором, тогда как письма и дневники в меньшей мере подвержены таким искажениям: письмо направляется адресату — например императору Александру I — и не может содержать что-то о нем самом, что было бы явно ложным; дневники, как правило, создаются, чтобы их читал сам автор, и потому нацелены на максимально точную фиксацию личной информации, хотя и субъективной по своей природе.

Исходя из этого, в данной работе систематический обзор источников об отставке Сперанского был предпринят по-новому, руководствуясь критерием близости их возникновения ко времени событий и происхождения от их участников. Данный критерий позволил выделить пять основных групп источников, которые анализируются ниже (не претендуя, впрочем, на абсолютную полноту этого списка).

Первую группу составляют источники, хронологически наиболее ранние, т. е. предшествовавшие исследуемым событиям и их подготовившие. Речь идет о записках с обвинениями против Сперанского, которые попадали в руки Александра I. С 1811 г. центром оппозиции реформам Сперанского стал тверской двор великой княгини Екатерины Павловны. Отношение этого двора к реформам очень ярко отразилось в знаменитой «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина (которая в силу своей комплексности и значительности не будет здесь рассматриваться, хотя не упомянуть о ней в контексте подготовки отставки Сперанского нельзя). Другой видный общественный деятель, связанный с тверским двором, Ф. В. Ростопчин, составил в том же году для передачи Александру I записку, чтобы предупредить о разветвленной «секте мартинистов», к которой якобы принадлежат многие «значительные лица» вокруг престола, впрямую называя Сперанского человеком, управляющим адептами мартинистов². Подобного рода обвинения звучали и в другом документе, написанном от имени Ростопчина (но с высокой долей вероятности ему не принадлежавшем), — письме за подписью «Граф Ростопчин и москвитяне». Оно распространялось в Петербурге накануне отставки Сперанского (в списках письма, ходивших по рукам, стояли даты 5 марта, 14 марта и даже 17 марта 1812 г. — самый день отставки; в тексте же упоминается день 20 февраля, из чего следует, что оно точно возникло после этой даты³), и в этом письме Сперанский в полный голос обличался в заговоре и измене царю в пользу Наполеона.

Еще одним обличительным текстом, который начал хождение по рукам весной 1812 г., стала записка Г. А. Розенкампа⁴. Опубликовавший ее М. А. Корф подчеркнул необходимость ее верной атрибуции (поскольку в ряде списков автором записки назван барон Г. М. Армфельт), а также датировки — в преамбуле к тексту отставка Сперанского упоминается как уже свершившийся

факт, но в основной части против государственного секретаря выдвигаются серьезные обвинения, которые можно считать причинами отставки. То, что автором являлся именно Розенкамф, и что записка была представлена Александру I и сыграла свою роль в удалении Сперанского, подтверждается мнением не только Корфа, но и других современников⁵. Записка содержит наиболее полное перечисление внутривластных проблем, вина за которые возлагалась на Сперанского, — от дезорганизации центрального управления до разорения экономики и пренебрежения интересами дворянства.

Ко второй группе источников относятся письма и дневники непосредственных участников событий, фиксировавшие их текущее, «моментальное» отношение к происходящему. На первом месте в этой группе хронологически располагается письмо профессора Дерптского университета Г. Ф. Паррота к Александру I, написанное поздно вечером 17 марта 1812 г. (т. е. в те же часы, когда Сперанского увозили в ссылку!) по следам их доверительного разговора, состоявшегося накануне⁶. Письмо служит ценнейшим источником прежде всего потому, что Паррот как искренний друг отразил в нем эмоциональное состояние императора: Александр был глубоко огорчен и возмущен сведениями об «измене Сперанского» до такой степени, что высказывал желание его расстрелять. Паррот отговаривал его не только от скоропалительного решения, но вообще от проведения расследования до окончания войны, ибо любая собранная наспех комиссия по делу Сперанского будет по самой логике вещей «составлена из его недругов», и даже если он виновен, — что еще не доказано — достаточно пока удалить его из Петербурга и поставить под надзор, чтобы он не мог поддерживать связь с врагом. Дальнейший текст помогает понять, какие обвинения рассматривал император. Среди доносителей в письме упоминается Розенкамф (причем подчеркнуто, что тот лишь выступает орудием Г. М. Армфельта, нового доверенного лица императора, к которому профессор относился с опаской). И Паррот категорически отрицает, что в возможной измене Сперанского мог участвовать чиновник коллегии иностранных дел, занимавшийся шифровкой и дешифровкой секретной дипломатической корреспонденции, Х. А. Бек, которого профессор лично знал и считал «абсолютно неспособным к предательству».

Письмо Паррота свидетельствует о том, что накануне 17 марта обвинения Сперанского в измене звучали уже из уст самого Александра I. Однако во время прямого разговора императора и государственного секретаря об этом не было сказано ни слова, доказательством чему служит письмо последнего из Нижнего Новгорода от 23 марта, отправленное назад к Александру I с полицейским приставом, который отвез Сперанского в ссылку⁷. В этом письме, исполненном большого внутреннего достоинства, Сперанского больше всего заботила судьба его бумаг, которые необходимо было спасти от раздробления и использовать для продолжения дела реформ, в чем он и видел «главный и единственный источник всего, что с ним произошло». Ни о каком предательстве здесь совсем не упоминалось.

Зато следующие по времени создания источники связаны именно с расследованием возможной измены, точнее — с делом Х. А. Бека. Н. К. Шильдер впервые проанализировал это дело и опубликовал письмо А. А. Жерве к императору от 26 марта 1812 г.⁸ Жерве, начальник экспедиции, в которой служил Бек, признавался Александру I, что именно он, а не Бек, пересылал Сперанскому расшифровки секретных писем дипломатов, поскольку, входя в число близких друзей последнего, знал о «безграничном доверии» к нему со стороны императора и вовсе не предполагал его измены, в которой, впрочем, и сейчас сомневается. Шильдер далее опубликовал обширные и несколько запутанные показания Бека, полученные 27 апреля и свидетельствующие о желании Сперанского быть в курсе тайной дипломатической переписки, а также две важных выписки из писем Александра I к Н. И. Салтыкову из Вильны от 19 апреля и 13 июня 1812 г., которые доказывали живой интерес императора к этому делу⁹. Они продолжали обрисовывать весьма обеспокоенную реакцию Александра I на предполагаемую измену, полноценное расследование которой остановилось только из-за начала войны с Наполеоном.

Собственно, об этом же свидетельствует и еще один источник тех месяцев, вышедший из-под пера Александра I, — его личное письмо к Ж.-Б. Бернадоту от 24 мая 1812 г. Как подчеркивают историки, их переписка тогда отличалась открытым и дружеским характером¹⁰. До шведского наследного принца дошли слухи о раскрытии заговора в Петербурге, и он удивился «милосердию» российского императора, ибо никто из предателей не понес публичного наказания, на что Александр I возразил, что, если бы доказательства поступили, то он «не пощадил бы виновных»¹¹ (и это опять отсылает к его эмоциональному порыву «расстрелять Сперанского»).

Обратимся теперь в данной группе к документам, связанным со Сперанским, среди которых (помимо уже упомянутого письма из Нижнего Новгорода) важна его переписка с близким другом П. Г. Масальским, помогавшим тому вести домашние финансовые и хозяйственные дела. В середине мая 1812 г. Масальский отправил Сперанскому в Нижний Новгород письмо с верной оказией, где со своей точки зрения пересказывал происшедшие события¹². В письме упоминается и о том, что многие сановники в Петербурге верят в баснословное богатство Сперанского, которое где-то спрятано, и о различных «нелепостях» относительно его измены. В частности, в доме графов Шуваловых, где Сперанский был опекуном малолетних детей, Масальскому рассказали о якобы украденном из военного министерстве портфеле с планами кампании, которые через Сперанского были посланы Наполеону (это — наиболее ранняя фиксация в источнике этого слуха, потом многократно повторенного с различными вариациями).

Ответ Сперанского Масальскому от 29 мая также отправлен с оказией и отражает душевное состояние бывшего государственного секретаря. Он удивлен нелепыми обвинениями, но в то же время смирился и не видит возможности

оправдаться: «Что бы мы ни написали, ничему не поверят»¹³. Улыбку у него вызывают лишь слухи о спрятанном (отданном в долг) огромном состоянии. «Забыли, что денег в долг не отдадут без векселей или закладных. Где же они? Пусть найдут их в бумагах — я дарю все находчикам».

Но после повторной высылки, из Нижнего Новгорода в Пермь, настроение Сперанского изменилось. Там возникли «пермское письмо» и так называемая «оправдательная записка» — два источника, где Сперанский пытался рационально проанализировать причины своей отставки. «Пермское письмо» было направлено Александру I в самом начале февраля 1813 г., что касается «оправдательной записки», то она не датирована, но, судя по заключительному абзацу, также написана в Перми, т. е. не позже августа 1814 г. (оба источника полноценно были введены в научный оборот Шильдером, хотя известны еще Корфу¹⁴). Характерно, что в «пермском письме» основной объем посвящен обоснованию проведенных финансовых и административных реформ. Сперанский опровергает услышанные им на последней аудиенции обвинения в расстройстве государства, причем эти обвинения в точности совпадают с запиской Розенкампа. Также здесь Сперанский открыто упомянул имена двух человек, способствовавших его опале, — Г. А. Армфельта и А. Д. Балашова. Как следовало далее из «оправдательной записки», именно Армфельту Сперанский приписывал решающую роль, называя его главой «тайного и безымянного Комитета», который хотел управлять всеми делами без ведома государя, предлагал Сперанскому присоединиться к нему и получил отказ. «Оправдательная записка» в целом посвящена разоблачению именно происков Армфельта («лучший из государей дал себя опутать внушениями знаменитого проходимца, которому помогали достойные его товарищи»), среди которых названо и очернение Сперанского как изменника (доносители «начали с того, что обвинили его в государственной измене, искали в его бумагах план переворота, а кончили тем, что нашли только нескромность»).

Оправдания Сперанского в 1813 г. не достигли цели. В июле 1816 г. он решил личным письмом напомнить Александру I о себе¹⁵. Этот источник замечателен тем, что Сперанский упоминает в нем слова императора при последней встрече — «во всяком другом положении дел, менее затруднительном» (чем в 1812 году), употребить «много времени и способов на подробное рассмотрение» сведений, лежавших в основе обвинений. В написанном тогда же письме к А. А. Аракчееву Сперанский признается, как тяжело ему выносить «общее мнение, что, быв уличен или по крайней мере подозреваем в государственной измене, одним милосердием Государя спасен от суда и последней казни». Эти письма (не без влияния Аракчеева) заставили Александра I, наконец, впервые публично высказаться по делу Сперанского, издав указ от 30 августа 1816 г.¹⁶ Понятно, что это произошло совершенно в другой исторической обстановке, нежели опала. Император позаимствовал фразу из письма Сперанского о том, что «точное исследование в тогдашних обстоятельствах делалось

невозможным», и если близость войны заставила его удалить со службы Сперанского и Магницкого, то теперь он «не нашел убедительных причин к подозрениям». Результатом указа явилось назначение Сперанского губернатором в Пензу. Позже, в связи с назначением сибирским генерал-губернатором Александр I направил ему два письма от 22 марта 1819 г. (одно в форме рескрипта, который Сперанский хранил в личных бумагах), где еще раз признавал: «Враги ваши несправедливо оклеветали вас», обещая после исполнения им сибирских поручений вновь приблизить к себе в Петербурге¹⁷.

Последним по времени из источников, непосредственно зафиксировавшим высказывания главных действующих лиц об этой истории, служит дневник Сперанского, который он вел в 1821 г., после отъезда из Сибири в Петербург. 11 марта Сперанский посетил в Рязани бывшего министра полиции Балашова, с которым завел беседу о своей ссылке и узнал для себя «дополнительные обстоятельства», а именно, что «удар Армфельта был направлен и на Балашова», хотя в то же время «Армфельт искал соединения с Балашовым». Как и в прежней «оправдательной записке», в этой дневниковой записи Сперанский говорит об Армфельте как о главе «заговорщиков», который, однако, вскоре сам пал «от перемены и скорого движения военных дел»¹⁸. Еще большее значение имеет дневниковая запись от 31 августа, поскольку в ней описан «пространный разговор с государем», который коснулся былых событий. Александр I назвал две причины высылки Сперанского: 1) полученный тогда донос о его сношениях с французским и датским посланниками (источником доноса был начальник особой канцелярии министерства полиции Я. И. де Санглен); 2) сообщение Балашова о том, что Сперанский хотел бы «соединиться с ним» (по сути — составить заговор), на что Балашов получил от императора приказ начать расследование. Вину за последнее заведомо ложное обвинение Сперанский в своей записи возлагал на племянника Балашова, Д. Н. Бологовского, который, тесно общаясь и с Магницким, и с Балашовым, «обманывал равно того и другого». В целом же разговор с императором не удовлетворил Сперанского, поскольку он понял, что «начало и происшествие сего дела смешаны и забыты» (вероятно, эта фраза отражала мнение, которого придерживался тогда Александр I)¹⁹.

Таким образом, личные источники второй группы, не противореча, а хорошо дополняя друг друга, показывают, как эволюционировала позиция Александра I по делу Сперанского — сперва возмущение и желание наказать изменника, потом живой интерес к ходу расследования вплоть до начала кампании 1812 г., но в новых исторических обстоятельствах после победы над Наполеоном — отказ (по крайней мере явный) от всяких подозрений, обещание вновь приблизить Сперанского и, наконец, в Петербурге — признание, что первопричины этой истории забыты, и нежелание к ней опять возвращаться. Сперанский же, напротив, проделал путь от полного смирения перед судьбой в момент высылки без понимания ее причин до желания понять эти причины, чтобы

оправдаться в глазах императора, а затем даже попытки самостоятельно расследовать собственное дело, чем он фактически занимался в 1821 г.

Кратко остановимся на третьей группе источников, куда следует отнести письма и дневники лиц, не имевших прямого отношения к отставке Сперанского, но получавших сведения о ней и сразу фиксировавших их в 1812 г. В дневниках А. Я. Булгакова и В. И. Бакуниной, которые они вели перед началом Отечественной войны, ярко отразилось дворянское негодование против правительственных мер, связываемых с именем Сперанского, и радость по поводу обличения того в измене. А. Я. Булгаков писал 22 марта: «Открыт в Петербурге заговор, состоявший в том, чтобы предать Россию французам. Бездельный Сперанский и Магницкий арестованы и в крепость посажены»; в качестве главного разоблачителя заговора назван Армфельт, и здесь же Булгаков вторит мнению о суровом наказании изменника: «Как не сделать примерного наказания — Сперанского не повесить?!»²⁰ Схожая дневниковая запись Бакуниной содержит несколько замечательных деталей. Она уверена, что Сперанский — изменник, хотя дошедшие до нее слухи противоречат друг другу, и есть «разногласие в том, кто открыл преступление, и каким образом». Также она описывает последний разговор Сперанского и Александра I (и это — одна из первых фиксаций содержания этого разговора в источниках): государь ожидал от Сперанского признания, но «ожесточенный изменник твердо уверял о своей невиновности», пока не был, наконец, уличен доказательствами. В обществе «никого измена не удивила, давно ее угадывали из всех новых постановлений, клонящихся к разрушению порядка повсеместно и потрясения в самом основании здания правления»; при этом «все благомыслящие сожалели, что не гласно преступление и не строго наказание». Среди обвинителей Сперанского Бакунина называет великую княгиню Екатерину Павловну, Армфельта, Балашова и даже Багратиона²¹.

Неопубликованный дневник Л. И. Голенищева-Кутузова за 1812 г. позволяет судить о механизме возникновения слухов, которые жадно ловили тогда современники. Спустя неделю после громких событий автора дневника посетил Санглен, который прежде не навещал его долгое время, а теперь пришел специально, чтобы сообщить подробности и, главное, объявить, что «преступление Сперанского есть измена, все доказательства на то в руках государя». Можно предположить, что Санглен равным образом посещал и других своих приятелей и тем самым, будучи активным участником интриги против Сперанского, сам же и распространял информацию о ней в Петербурге с нескрываемым удовлетворением (Голенищев-Кутузов заметил, что Санглен был «в каком-то восторженном бешенстве»²²).

Отражение петербургских слухов присутствует и в донесениях иностранных дипломатов за март — апрель 1812 г. Характерно, что французский посол Лористон, приводя возможные доказательства измены Сперанского, говорит о своем собственном сотруднике (письмо от 23 марта / 4 апреля 1812 г.):

«Распущен слух, что адъютант мой Лонгрю, которого я отправил за три дня до ареста Сперанского, задержан в Дерпте и что у него найдены военные планы русской армии». Датский же посол Блом сообщал о Сперанском и Магницком, что «вина их скорее касается внутренних дел, а не преступных внешних сношений», хотя, тем не менее, указывал на арест Бека и допрос Жерве как на продолжение расследования об измене. Ключевое же убеждение дипломатов было в том, что Александр I намеренно скрывает истинную вину Сперанского, которая «никогда не будет разъяснена», и тем лишь поощряет различные слухи²³.

Наконец, к этой группе источников примыкают и заметки в иностранных газетах, где все те же слухи передавались в заведомо искаженном и преувеличенном виде. Например, *Courier de Londres* от 5 мая (нов. ст.) 1812 г. сообщал, что заговор в Петербурге раскрыт благодаря перехваченным письмам заговорщиков: «Они намеревались убить царя, но тот их опередил. Сперанский и Магницкий сосланы в Сибирь. Ожидают новых арестов, поскольку полагают, что замешаны и другие лица».

Отличие четвертой группы источников — мемуаров, где уделено внимание отставке Сперанского, — от предыдущей состоит в том, что данные источники возникали спустя некоторое, подчас значительное время, и это сильно влияло на описание событий и их оценку. При этом мемуаристы черпали сведения как из собственного опыта и памяти, так и из тех же общественных слухов, о которых говорилось выше, — только воспроизводили эти слухи через много лет, а значит, с еще большими искажениями.

Воспоминания Ф. В. Ростопчина²⁴, И. И. Дмитриева²⁵ и Ф. Ф. Гауеншильда²⁶ об отставке Сперанского были созданы в середине 1820-х гг. независимо друг от друга, но содержат немало общих черт. Все трое говорят об обвинениях Сперанского в измене, называют Армфельта и Балашова основными участниками интриги (Гауеншильд также подчеркивает и роль, которую сыграл в ней Розенкамф), а также упоминают о разногласиях с великой княгиней Екатериной Павловной и герцогом Ольденбургским как о еще одном роковом для Сперанского факторе. Ростопчин, говоря об этом, всячески опровергает свое личное участие в этой истории, которую называет «темной интригой, никогда порядком не разъясненной». Двое мемуаристов (Дмитриев и Гауеншильд) описывают завершение аудиенции Сперанского у Александра I вечером 17 марта, ссылаясь на рассказ очевидца, князя А. Н. Голицына. Они же обращают внимание на арест Бека; а Дмитриев даже цитирует якобы сказанные ему в связи с этим слова Александра I, что Сперанский «простер наглость свою даже до того, что захотел участвовать в государственных тайнах». У Гауеншильда же, едва ли не в первый раз в источнике, приводится фраза Александра I противоположного содержания: «Михаил Михайлович не совершил никакого государственного преступления, он был только неправ лично против меня». И хотя, согласно мемуаристу, император сказал эту фразу «на другой день катастрофы»,

из общего контекста ясно, что она, если и была сказана, то отражала воззрения императора в гораздо более позднее время.

Схожее смещение оценок наблюдается и в мемуарах К. В. Нессельроде²⁷. Более чем через сорок лет он постарался воспроизвести свой разговор с Александром I 19 марта 1812 г. Разговор был срочный — зная об обвинениях в измене, Нессельроде опасался за судьбу собственной тайной корреспонденции из Парижа, находившейся в бумагах государственного секретаря. С одной стороны, мемуаристу запомнилось волнение Александра I, который, «справедливо или нет», решил расстаться с человеком, облеченным его полным доверием. С другой стороны, Нессельроде употребляет стереотипные характеристики, говоря об «ангельской доброте» Александра, а далее приводит фразу, широко цитируемую в последующей историографии, относительно вынужденной жертвы императора в пользу патриотизма и «национального чувства». Понятно, что эта оценка отражала позднейшие воззрения дипломата — само представление о кампании 1812 г. как о «народной войне», где решающее значение сыграл русский патриотизм, не могло еще родиться весной 1812 г.

Столь же критично следует отнестись и к воспоминаниям Ф. П. Лубяновского²⁸. Спустя тридцать лет он воспроизводит услышанный в 1815 г. от Сперанского рассказ об аудиенции у Александра I перед отставкой. Мемуарист уверяет, что передает его слово в слово, но тут же ошибается в датах (Сперанский вернулся из Перми не в 1815 г., а в 1814 г.). В рассказе есть трогательные описания — о благожелательности императора в течение всего разговора, о том, что при прощании Александр I сравнил расставание со Сперанским и свое несчастье от потери отца — все это следует оставить на совести мемуариста. В целом же Лубяновский воспроизводит звучавшие обвинения сходно с тем, как на них отвечал Сперанский в «пермском письме». Прибавляется только одна важная деталь: вина за «примирение с Балашовым», которую император даже якобы доказывает, предъявляя Сперанскому некую его записку к министру полиции. Напомним, что сам Сперанский узнал об этом обвинении от Александра I только в 1821 г. — Лубяновский же, как он пишет ниже, тесно общался со Сперанским в 1834–1838 гг. и не исключено, что именно из этих поздних разговоров всплыла подробность, которая не могла звучать на аудиенции. Что касается упомянутой записки, то мемуарист вовлекает в историю ее хождений по рукам друга Магницкого, А. В. Воейкова, которого слухи, зафиксированные еще в 1812 г., упорно связывали с другим обвинением — передачей французам военных планов, и, на мой взгляд, Лубяновский здесь просто смешивает две эти истории.

Отдельно следует остановиться на записках Я. И. де Санглена²⁹. Именно они не только созданы одним из главных участников событий, но и содержат больше всего ярких описаний, без цитирования которых не обходится ни одна книга о Сперанском.

История возникновения записок такова: собирая материалы к биографии Сперанского, Корф осенью 1846 г. обратился к Санглену, и тот откликнулся

нарочито туманным письмом, где отказался вдаваться в детали, но тем не менее дал набросок собственного видения событий, подчеркнув, что «из всех действующих лиц остался в живых один он»³⁰. Это заставило Корфа проявить настойчивость и добиться от Санглена подробного рассказа, который тот представил в виде тетрадей, приложенных к пяти его письмам с ноября 1846 по январь 1847 г.

С первого же письма Санглен наметил и дальше лишь развивал собственную оригинальную концепцию, до того не представленную ни в одних мемуарах: Александр I сам управлял событиями, которые привели к отставке Сперанского, все остальные доносы не имели самостоятельного значения, а использовались императором в его собственной игре. «Если представить вполне как началось, развивалось, созрело и, наконец, совершилось *все*, нужно составить целое; оно только раскрыть может ту утонченную политику императора Александра, который вел это дело так, что *явно* употребляемые им особы действовали, как будто окруженные густым туманом, перепутались, перессорились, и никто из них, в то время, не разглядел, не разгадал настоящей причины и самой цели покойного государя»³¹.

Когда Корф указал на противоречия данной концепции с другими источниками, это вызывало бурю негодования и обличения Сангленом других лиц. Так, практически все, о чем Александр I говорил со Сперанским в 1821 г., Санглен называет ложью, все лгут в этой истории: «Я один не имел нужды лгать, потому что никаких доносов не делал»³². Его главным упреком в адрес Корфа, выражавшим суть новой концепции, был следующий: «Вы никак не хотите вникнуть в настоящую причину ссылки, как то: что в глазах государя Сперанский избобличался в желании нанести своими учреждениями удар самодержавию»³³.

Понятно, что Санглена совершенно не удовлетворил итоговый труд Корфа, поскольку эта мысль там отсутствовала. В конце 1860 г., т. е. в самый канун выхода книги, он направил историку еще одну обширную записку, пытаясь в последний раз повлиять на готовящийся текст³⁴. А на рубеже 1861–1862 гг. Санглен уже вступил в переписку с М. П. Погодиным, в лице которого наконец обрел благодарного слушателя и почитателя³⁵. К тому времени Санглен переработал свои прежние тетради в полноценные записки. Таким образом, Погодин ввел в научный оборот новую концепцию Санглена, почерпнув ее из прямого общения с ним, а затем уже Шильдер, пользовавшийся полным изданием его записок, обильно их цитировал, благодаря чему оценки Санглена закрепились в историографии.

Между тем воспоминания Санглена о деле Сперанского имеют все признаки «недоверного», иными словами, сознательно сфальсифицированного источника. Санглен неоднократно заявлял о своей исключительной информированности («предшествовавшие обстоятельства отправления Сперанского известны мне *одному*»³⁶), т. е. по сути хотел закрепить монополию на трактовку событий. Его текст был создан специально для того, чтобы повлиять на исто-

риографию. Текст записок беллетризован (в чем сказалося давнее увлечение автора немецкой литературой и, в частности, Шиллером), причем сам Санглен называл его «сценическим представлением»³⁷. Следовательно, выдуманы были все реплики персонажей, среди которых и высказывания императора (часто цитируемые историками как его прямая речь!) — в том числе и ключевая для последующей историографии фраза Александра I о Сперанском: «Он подкапывался под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам моим»³⁸ (Санглен вкладывает здесь в уста императора мысль, сформулированную в «Записке о древней и новой России» Карамзина).

Увлекаясь сочинительством, Санглен не обращал внимания на грубые фактические ошибки своего текста. Так, он ошибается, несколько раз повторяя, что в ссылку отправились не только Сперанский и Магницкий, но и Д. Н. Бологовский (на деле с начала кампании 1812 г. тот состоял на службе, с конца августа — начальником штаба 6-го корпуса³⁹). Арест Н. З. Хитрово, имевший место в конце 1810 г., Санглен переносит на март 1812 г. и связывает его с А. В. Воейковым, виновником пресловутой пропажи портфеля с планами военной кампании. Фантазмагорией выглядит пересказанное Сангленом содержание доноса, якобы полученного Александром I от Балашова в декабре 1811 г., — в нем Сперанский у себя дома едва не занимается «чернокнижием» и алхимией, да и к тому же мимоходом презрительно отзывается об Александре I⁴⁰ (существование такого доноса Балашова не подтверждается никакими другими источниками).

За литературной красочностью легко различить цель автора — снять с себя обвинения в доносах, приведших к отставке Сперанского. Как это было ему свойственно, Санглен доходит здесь до саморазоблачения: в записке к Корфу он сам указывает, что получил от императора орден Св. Анны 2-й степени спустя всего пять дней после 17 марта, и что «глупая публика могла приписать этот крест в награду за обличение Сперанского, но обличение это столь же мало до меня относится, как и до самого Сперанского, ибо решительно никакого обличения не было»⁴¹. Именно чтобы обелить себя, Санглен всячески порочит в воспоминаниях честь Балашова (который представлен двурушником, пытающимся угодить и Сперанскому, и государю), и даже самого императора. Впрочем, то, что Санглен обвинял во лжи и Балашова, и Александра I, отмечали еще его собеседники в 1812 г.⁴² Из тех же побуждений он стремился скомпрометировать другие источники, отражавшие позицию Александра I, — так, чтобы принизить содержание письма Паррота от 17 марта, Санглен цитировал Погодину якобы сказанные императором слова: «Эти ученые все видят косо, а в цель не попадают, и с жизнью мало знакомы, хотя он человек светский»⁴³. Отсюда уже Шильдер, принявший это высказывание на веру, пришел к выводу, что Паррот или чего-то не понял в разговоре с Александром, или тот перед ним «лицедействовал».

Осталось сказать о пятой группе источников, к которой относятся устные свидетельства участников, записанные позже со слов третьих лиц. Понятно,

что они наиболее уязвимы с точки зрения содержания. Тем не менее именно отсюда происходит, например, фраза Александра I, якобы сказанная Н. Н. Новосильцеву в июне 1812 г. и цитируемая и Корфом, и Шильдером, и другими историками, где император признает, что Сперанский «нисколько не изменник», однако виновен лично по отношению к нему. При проверке выясняется, что эту фразу приводит сенатор Н. А. Старынкевич в своем примечании к копии «пермского письма», составленном, судя по всему, в 1850-х гг. для Корфа⁴⁴. Старынкевич действительно мог слышать о разговоре Александра I с Новосильцевым в Свенцянах, о котором упоминает, но его запись спустя сорок лет никак нельзя рассматривать в качестве прямой речи императора.

Широкую известность получили детали событий 17 марта со слов князя А. Н. Голицына, который находился в приемной императора в минуты, когда решалась судьба Сперанского. Голицын также участвовал в последующем разборе бумаг из квартиры государственного секретаря⁴⁵, но вот слова Александра I, якобы сказанные на следующий день Голицыну, что в этих бумагах «ничего не найдется: он <Сперанский> не изменник»⁴⁶, нужно поставить под сомнение — Голицын поведал их Корфу спустя значительное время, и они (как и другие подобного рода упоминания бесед с Александром I) могли отражать позднейшие высказывания императора. Что же касается описания того, чем завершилась аудиенция 17 марта (рассказ Голицына об этом сохранился не только у Корфа, но в мемуарах Дмитриева и Гауеншильда), обратим внимание, что во всех вариантах Голицын отмечает, что видел только Сперанского и наблюдал его подавленное состояние. В то же время второй возможный очевидец, рассказ которого тут же приводит Корф — дежурный генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов — увидел еще и как раскрылась дверь кабинета и сам император, «видимо растроганный», повторял Сперанскому слова прощания; кроме того, Кутузов передает, что Сперанский «вместо бумаг стал укладывать в портфель свою шляпу», потом «упал на стул в беспомощности», так что рассказчик побежал за водой, и т. д.⁴⁷ — все эти драматические детали (которых нет ни в одной из версий рассказа Голицына) опять-таки вызывают сомнения.

Итак, обзор показал, что из всех пяти разобранных групп наибольшей критики требуют источники, представленные в последних двух категориях (мемуары и позднейшие рассказы), между тем именно на них, как правило, основывается нарратив, описывающий отставку Сперанского и отношение к ней Александра I. Особенно сомнительным кажется широкое использование воспоминаний Я. И. де Санглена, которые заведомо искажают и факты, и их восприятие. Из этих же источников черпается и подавляющее большинство якобы «личных высказываний» Александра I о Сперанском, которые на поверку воспроизводятся через третьи руки и записаны спустя много десятков лет — неудивительно, что они противоречат друг другу и запутывают общую картину. Иными словами, «загадочность» отставки Сперанского — это прежде всего проблема не критического использования определенных источников.

Между тем источники первых трех групп рисуют достаточно единообразную картину того, как постепенно накапливались обвинения Сперанского в государственной измене, которым Александр I мог поверить в напряженной обстановке накануне новой войны, а его решение удалить Сперанского из Петербурга было воспринято обществом как доказательство самого факта измены. В дальнейшем император изменил свою позицию по отношению к делу Сперанского, по сути признав свою неправоту, и на рубеже 1810–1820 гг. от самого Александра I могли исходить зафиксированные в воспоминаниях слова о невиновности Сперанского, что вовсе не указывало на его «двуличие». Также эти источники демонстрируют неведение Сперанского о полной картине обвинений в свой адрес и то, насколько его поразила несоразмерность услышанных от царя мотивов и фактической ссылки. С этим связано упорство, с каким Сперанский обращался к поиску ее причин уже после возвращения в Петербург в 1821 г. Собранные им тогда сведения служат ценным ключом для максимальной полной реконструкции событий⁴⁸.

¹ Об историографии проблемы см.: Андреев А. Ю. Александр I и отставка М. М. Сперанского // *Quaestio Rossica*. 2022 (в печати).

² Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф. В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // *Русский архив*. 1875. № 9. С. 80.

³ Русская старина. 1905. Т. 122. № 5. С. 412–414; см. также: Деятели и участники в падении Сперанского (неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа) // *Русская старина*. 1902. Т. 109. № 3. С. 480–482.

⁴ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 30–40. Один из списков был передан Корфом на хранение в Госархив и сейчас находится в составе других собранных им бумаг о Сперанском: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 92–101.

⁵ *Гауеншильд Ф. Ф.* М. М. Сперанский // *Русская старина*. 1902. Т. 110. № 5. С. 257; *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 537, 616.

⁶ Письмо Паррота сохранилось в черновике (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA)*). F. 7350. Арх. 1. № 8. Лр. 111 – 114 ор.), датировано «Воскресенье вечером» (что однозначно указывает на 17 марта 1812 г.), из первых строк выясняется, что Паррот начал его писать в одиннадцать вечера. Подробнее о контексте письма: Андреев А. Ю. Кто спас Сперанского от расстрела? // *Родина*. 2020. № 4. С. 108–112.

⁷ Опубликовано в кн.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I: его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 491–492.

⁸ Там же. С. 493–494.

⁹ Там же. С. 55, 58–59, 370.

¹⁰ *Рогинский В. В.* Становление союза между Россией и Швецией (1809–1812 гг.) // *История: Электронный научно-образовательный журнал*. 2013. Т. 4. № 1 (17). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000013-3-2/>

¹¹ *Шильдер Н. К.* Император Александр I... Т. 3. С. 52.

¹² Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 г. СПб., 1862. С. 12–21.

¹³ Там же. С. 25.

- ¹⁴ Сперанский. I. Пермское письмо к Александру Павловичу. II. Оправдательная записка (сообщено Н. К. Шильдером) // Русский архив. 1892. № 1. С. 50–78. Их списки находятся в бумагах Корфа, переданных в Госархив: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 19 – 38 об., 45–74.
- ¹⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 106.
- ¹⁶ Там же. С. 119.
- ¹⁷ Там же. С. 174–177.
- ¹⁸ Цит. по: *Скрыдлов А. Ю.* М. М. Сперанский и А. Д. Балашов: к вопросу о роли министра полиции в интриге против государственного секретаря // Клио. 2013. № 4 (76). С. 108.
- ¹⁹ Цит. по: Ссылка Сперанского в 1812 году (дополнительные материалы к «Жизни графа Сперанского» барона М.А. Корфа) // Русская старина. 1902. Т. 110. № 4. С. 24.
- ²⁰ Выдержки из записок А. Я. Булгакова // Русский архив. 1867. № 12. Ст. 1367.
- ²¹ Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной // Русская старина. 1885. Т. 47. № 9. С. 393–395.
- ²² Цит. по: Ссылка Сперанского... С. 18–19.
- ²³ Дипломатические депеши о ссылке Сперанского // Русский архив. 1882. № 4. С. 169–176.
- ²⁴ *Ростопчин Ф. В.* Тысяча восемьсот двенадцатый год // Русская старина. 1889. Т. 64. № 12. С. 647–648.
- ²⁵ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 193–195.
- ²⁶ *Гауеншильд Ф. Ф.* М. М. Сперанский. С. 251–262.
- ²⁷ Перевод мемуаров на русский язык в журнале «Русский вестник» (1865. №10) содержит неточности и пропуски отдельных выражений, что заставляет обратиться к французскому оригиналу (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1151. Л. 1–44; о Сперанском: Л. 25 об. – 26).
- ²⁸ *Лубяновский Ф. П.* Воспоминания. 1777–1834 // Русский архив. 1872. № 3. Ст. 483–485.
- ²⁹ Впервые опубликованы: Русская старина. 1883. Т. 37. № 1–2; цит. по: *Санглен де Я. И.* Записки. 1793–1831. М., 2016.
- ³⁰ Корф изложил историю переписки с Сангленом в неизданной главе к биографии Сперанского (Деятели и участники... С. 505–507). Эти письма Санглена хранятся в фонде 728 ГА РФ и цитируются дальше по оригиналу.
- ³¹ Письмо Я. И. де Санглена к В. Д. Корнильеву (другу Корфа, через которого началась переписка) от 26 октября 1846 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1678а. Л. 5.
- ³² Письмо Я. И. де Санглена к М. А. Корфу от 10 февраля 1847 г. // Там же. Л. 8 об. – 9 об.
- ³³ Письмо Я. И. де Санглена к М. А. Корфу от 18 марта 1847 г. // Там же. Л. 35 об.
- ³⁴ Ссылка Сперанского... С. 26–30.
- ³⁵ Погодин называет Санглена «человеком честным и благородным» (*Погодин М. П.* Сперанский (посвящается барону М. А. Корфу) // Русский архив. 1871. № 7. Ст. 1102). Его очерк во многом построен как комментарий к высказываниям Санглена, откуда Погодин заимствует и отдельные мысли, и общую логику изложения.
- ³⁶ Письмо Я. И. де Санглена к М. А. Корфу от 11 ноября 1846 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1678а. Л. 12.
- ³⁷ *Санглен де Я. И.* Записки. С. 153.
- ³⁸ Там же. С. 136.
- ³⁹ Бологовский Дмитрий Николаевич // Русский биографический словарь. Бетанкур – Бякстер. СПб., 1908. С. 177.
- ⁴⁰ *Санглен де Я. И.* Записки. С. 105–106.
- ⁴¹ Ссылка Сперанского... С. 17.
- ⁴² Дневник Л. И. Голенищева-Кутузова, цит. по: Ссылка Сперанского... С. 19.
- ⁴³ *Погодин М. П.* Сперанский... Ст. 1131.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 75.
- ⁴⁵ Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 года // Труды комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского. Вып. 1. Пг., 1916. С. 3.
- ⁴⁶ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 24.
- ⁴⁷ Там же. С. 15.
- ⁴⁸ Опыт такого анализа см.: *Андреев А. Ю.* Александр I и отставка М. М. Сперанского...

REFERENCES

- ANDREEV A. YU. *Kto spas Speranskogo ot rasstrelya?* [Who saved Speransky from execution? In Russ.] // Rodina. 2020. No. 4. P. 108–112.
- ANDREEV A. YU. *Aleksandr I i otstavka M.M. Speranskogo* [Alexander I and the resignation of M. M. Speransky. In Russ.] // Quaestio Rossica. 2022 (in print).
- Deyateli i uchastniki v padenii Speranskogo (neizdannaya glava iz "Zhizni grafa Speranskogo" barona M.A. Korfa)*. [Figures and participants in the fall of Speransky (an unpublished chapter from the "Life of Count Speransky" by Baron M. A. Korf). In Russ.] // Russkaya starina. 1902. T. 109. No. 3. P. 469–508.
- Diplomaticheskiye depeshi o ssylke Speranskogo* [Diplomatic dispatches about Speransky's exile. In Russ.] // Russkiy arkhiv. 1882. No. 4. P. 169–176.
- DMITRIYEV I. I. *Vzglyad na moyu zhizn'*. [A look at my life. In Russ.] Moscow, 1866.
- Druzheshkiye pis'ma grafa M. M. Speranskogo k P. G. Masal'skomu, pisannyye s 1798 po 1819 g.* [Friendly letters from Count M. M. Speransky to P. G. Masalsky, written from 1798 to 1819. In Russ.] St. Petersburg, 1862.
- Dvenadtsatyy god v zapiskakh V.I. Bakuninoy* [The year 12th in the notes of V. I. Bakunina. In Russ.] // Russkaya starina. 1885. T. 47. No. 9. P. 391–410.
- KORF M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo. T. 2.* [Life of Count Speransky. Vol. 2. In Russ.]. St. Petersburg, 1861.
- LUBYANOVSKIY F. P. *Vospominaniya. 1777–1834* [Memoirs. 1777–1834. In Russ.] // Russkiy arkhiv. 1872. No. 3. P. 449–532.
- POGODIN M. P. *Speranskiy (posvyashchayetsya baronu M.A. Korfu)* [Speransky (dedicated to Baron M. A. Korf). In Russ.] // Russkiy arkhiv. 1871. No. 7. St. 1097–1252.
- ROGINSKIY V. V. *Stanovleniye soyuza mezhdru Rossiiyey i Shvetsiiyey (1809–1812 gg.)* [Formation of the union between Russia and Sweden (1809–1812). In Russ.] // Istoriya: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. 2013. T. 4. No. 1 (17). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000013-3-2/> (date of access 03.04.2022).
- ROSTOPCHIN F. V. *Tysyacha vosem'sot dvenadtsatyy god* [One thousand eight hundred and twelfth year. In Russ.] // Russkaya starina. 1889. T. 64. No. 2. P. 643–725.
- SANGLÉN DE YA. I. *Zapiski. 1793–1831.* [Memoirs. 1793–1831. In Russ.] Moscow, 2016.
- SHIL'DERN. K. *Imperator Aleksandr I: yego zhizn' i tsarstvovaniye. T. 3.* [Emperor Alexander I: his life and reign. In Russ.] St. Petersburg, 1897.
- SKRYDLOV A. YU. *M. M. Speranskiy i A. D. Balashov: k voprosu o roli ministra politzii v intrige protiv gosudarstvennogo sekretarya.* [M. M. Speransky and A. D. Balashov: on the role of the Minister of Police in the intrigue against the Secretary of State. In Russ.] // Klio. 2013. No. 4 (76). S. 106–109.
- Ssylka Speranskogo v 1812 godu (dopolnitel'nyye materialy k "Zhizni grafa Speranskogo" barona M.A. Korfa)*. [Exile of Speransky in 1812 (additional materials to the "Life of Count Speransky" by Baron M. A. Korf). In Russ.] // Russkaya starina. 1902. T. 110. No. 4. S. 5–44.
- Speranskiy. I. Permskoye pis'mo k Aleksandru Pavlovichu. II. Opravdatel'naya zapiska (soobshcheno N. K. Shil'derom)* [Speransky. I. Letter from Perm' to Alexander Pavlovich. II. Exculpatory note (reported by N. K. Schilder)] // Russkiy arkhiv. 1892. No. 1. P. 50–78.
- Vyderzhki iz zapisok A. YA. Bulgakova* [Excerpts from the notes of A. Ya. Bulgakov. In Russ.] // Russkiy arkhiv. 1867. No. 12. P. 1361–1174.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Ю. Андреев. Источники об отставке М. М. Сперанского в 1812 году: опыт систематического анализа // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 185–200

Аннотация: Статья анализирует источниковую базу для изучения одной из «загадок русской истории» — внезапной отставки М. М. Сперанского с поста государственного секретаря императора Александра I, состоявшейся в марте 1812 г. В статье указано, что существующие множественные интерпретации этих событий основаны в большом количестве случаев на некритическом использовании исторических источников. Проведен новый анализ структуры источников и предложена их новая классификация, в которой за основу взят принцип близости времени создания источника к описываемым событиям.

Были собраны вместе письма, дневники участников событий и их современников в 1812 г., записки и другие делопроизводственные документы, рассматривавшиеся императором Александром I, содержание которых можно противопоставить позднейшим мемуарам или рассказам, записанным историками со слов третьих лиц, поздним по своему происхождению и имеющим значительные искажения. В связи с этим выявлены недооценивавшиеся ранее факты, в частности подчеркнут первоначальный интерес Александра I к выяснению обстоятельств «измены Сперанского», который затем угасает по мере разворачивания военных действий; также показана эволюция отношения самого Сперанского — от первоначального смирения и принятия ссылки до желания самому расследовать свое дело, ярко проявившегося в 1821 г., когда Сперанский возвращается в Петербург. В итоге сделан вывод, что рассмотренная база источников при условии применения методов их критического анализа позволяет с достаточной степенью полноты реконструировать события, приведшие к отставке Сперанского.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, ссылка, критика источников, классификация, письма, дневники, мемуары.

FOR CITATION

A. Yu. Andreev. Sources on the resignation of M. M. Speransky in 1812: an experience of a systematic analysis // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2022, pp. 185–200

Abstract: The article analyzes the source base for studying one of the “mysteries of Russian history” — the sudden resignation of M. M. Speransky from the post of State Secretary of Emperor Alexander I, held in March 1812. The article states that the existing multiple interpretations of these events are based in a large number of cases on the uncritical use of historical sources. A new analysis of the source structure has been carried out and a new classification has been proposed, which is based on the principle of closeness of the source creation time to the described events. Letters, diaries of participants in the events and their contemporaries in 1812, notes and other official documents considered by Emperor Alexander I were collected together, the content of which can be contrasted with later memoirs or stories recorded by historians from the words of third parties, late in their origin and bearing significant distortion. In this regard, previously underestimated facts were revealed, in particular, they emphasize the initial interest of Alexander I in clarifying the circumstances of the “treason of Speransky”, which then fades as hostilities unfold; the evolution of Speransky’s attitude is also shown — from initial humility and acceptance of the exile to the desire to investigate his own case, which was clearly shown in 1821, when Speransky returned to St. Petersburg. As a result, it was concluded that the considered base of sources, provided that the methods of their critical analysis are applied, allows reconstructing the events that led to Speransky’s resignation with a sufficient degree of completeness.

Key words: M. M. Speransky, exile, source criticism, classification, letters, diaries, memoirs.

Автор: **Андреев, Андрей Юрьевич** — профессор, д. и. н., профессор кафедры истории России XIX — начала XX века исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Author: **Andreev, Andrei Yurievich** — Prof., Dr., Doctor of Sciences (History), professor at the Department of Russian History in the 19th and the beginning of the 20th centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: andrv@hist.msu.ru

ORCID: 0000-0001-7075-6637